

УДК 1.091.470

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-633-641

Космизм и русская религиозная философия

Лыткин В.В.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Россия, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26
Email: vlad-lytkin@yandex.ru

Аннотация. Философия русского космизма имеет свои глубокие основания в традиции отечественной религиозной философии. Философия русского космизма основывалась на естественнонаучной мировоззренческой парадигме, в то время как русская религиозная философия развивалась в рамках мировоззренческой парадигмы христианской, религиозной. Однако и та, и другая философская традиция, формировались в рамках отечественной культуры с её специфическими мировоззренческими концепциями и принципами, особенными ценностными ориентациями. В то же время русская религиозно-философская традиция так или иначе оказала и своё собственное, прямое и косвенное, влияние на становление философии русского космизма.

Ключевые слова: философия, русская философия, космизм, взаимовлияние

Для цитирования: Лыткин В.В. 2022. Космизм и русская религиозная философия. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 633–641. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-633-641

Cosmism and Russian Religious Philosophy

Vladimir V. Lytkin

Tsiolkovsky's Kaluga State University,
26 Stepan Razin St, Kaluga 248023, Russian Federation
Email: vlad-lytkin@yandex.ru

Abstract. The philosophy of Russian cosmism has its deep foundations in the tradition of Russian religious philosophy. Russian cosmism philosophy was based, first of all, on the natural-scientific worldview paradigm, while Russian religious philosophy developed within the framework of the Christian, religious worldview paradigm. However, both philosophical traditions were formed within the framework of Russian culture, with its specific ideological concepts and principles, with its special value orientations. Russian religious and philosophical tradition, in one way or another, had its own direct and indirect influence on the formation of the philosophy of Russian cosmism.

Keywords: philosophy, Russian philosophy, cosmism, mutual influence

For citation: Lytkin V.V. 2022. Cosmism and Russian Religious Philosophy. NOMOTNETKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 633–641. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-633-641

Введение

Философия отечественного космизма возникла и получила своё развитие несколько позже, нежели отечественная религиозная философия XIX в. Поэтому их взаимовлияние неравноценно. Влияние философии русского космизма на отечественную философскую религиозную традицию было значительно меньшим, разве что только в некоторых част-

ностях, нюансах. Это влияние было связано лишь с первым автором, работавшим в русле философии русского космизма, Н.Ф. Фёдоровым, некоторые мотивы философии которого так или иначе можно обнаружить в философии В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского и некоторых других отечественных философов, мысливших в русле христианской религиозной парадигмы и традиции и русского космизма. В то же время взгляды отечественных философов религиозного направления так или иначе оказали влияние на формирование мировоззрения философов естественнонаучного направления русского космизма.

Попытаемся кратко проанализировать основные идеи русской религиозной философии, которые в том или ином виде реализовывались с соответствующими изменениями в учениях мыслителей космизма.

Соборность и всеединство

Прежде всего, необходимо обратить внимание на такой основополагающий концепт русской религиозной философии, который сформировался в рамках философского учения славянофилов, как *соборность*. Разумеется, то, что славянофилы (А.С. Хомяков, в частности) называли «соборностью» все то, что есть, всеобщее. У него основная идея единства и соборности лежит в представлении о жизни в живом организме, едином организме Православной Церкви [Хоружий, 2002] Это один из основополагающих концептов отечественной культуры и философии, пусть и обозначаемый различными мыслителями в различных, иных, с соответствующими изменениями, терминах. Этот основополагающий концепт может именоваться как «общинность», «коллективизм», «соборность», «всеединство» и т.д. Однако надо заметить, что каждое из вышеуказанных понятий несёт в себе всё же довольно специфический смысл, хотя, разумеется, и охватывает некий общий, важный момент. Соборность, в отличие от того же коллективизма, как культурный жизненный принцип русского народа, общества зиждется прежде всего на духовных ценностных христианских православных основаниях; и люди, объединённые в то, что называется «собор», реализующие данный принцип «соборности», действуют именно на основании указанных ценностных принципов, добровольно и свободно; на основании объединяющего их, если угодно, этоса, на основании духовно-нравственных православных принципов. Собственно, и Софийную теорию В.С. Соловьёва, по нашему мнению, можно рассматривать как вариант соборности и всеединства [Лыткин, 2020, с. 13].

В свою очередь, коллективизм в отличие от соборности предполагает более формальные, объединяющие общество принципы, например, государственную власть или экономические факторы, хотя в то же время тут обязательно присутствует и внутренний, духовный, или идеологический фактор. Однако фактор этот уже вряд ли православный, христианский. Например, при формировании советской социокультурной идентичности реализовывался в обществе принцип коллективизма, с одной стороны, как основанный на отечественной культурной традиции («общинности»), с соответствующими изменениями, «соборности»), а с другой – как цель грядущего общества и нового человека в нём («коммунизм»). Причём в рамках данной, коммунистической, модели человек, новый человек, должен был формироваться как всесторонне развитая личность, как человек-творец. Кстати, в эту систему довольно удачно вписывался и русский космизм, с его естественнонаучным пафосом покорения природы и формирования нового во всех смыслах, духовном и материальном, человека.

Здесь необходимо заметить, что существует и сегодня, на наш взгляд, довольно расхожее понимание коллективизма как чего-то якобы сугубо подавляющего человека, противопоставляя его, коллективизм, с отрицательными смысловыми ассоциациями, индивидуализму, ассоциирующемуся со свободой, – однако подобное представление мыслится нам, во-первых, односторонним, а во-вторых, плодом современной либеральной идеоло-

гии, связывающей концепты свободы и индивидуализма; подобное связывание, надо заметить, позволяет легко манипулировать атомизированными подобным образом людьми и, напротив, закрывать от них вообще возможность свободы.

Возвращаясь к философии русского космизма, можно утверждать, что философы данного направления пытались утверждать принцип соборности, пусть даже и в виде коллективизма, как базовый принцип формирования нового человека, человека-творца и преобразователя природы, человека строителя нового мира, нового Космоса. А.Л. Чижевский считал писал: «В единении сила! Мы верим, что всемирная солидарность учёных поможет преодолеть все трудности и сломать все преграды во имя защиты жизни на земле и её преобразовании...» [Чижевский, 1924, с. 69]. Философия «Общего Дела» Н.Ф. Фёдорова [1982], наверное, здесь может выступать как своего рода переходный этап в трансформации принципа славянофильской соборности, как общинности, основанной на православных христианских духовных ценностях, к *само собой разумеющемуся* коллективизму – концепту мыслителей космизма естественнонаучного направления. Н.Ф. Фёдоров пытался, удержать и православные христианские принципы в своём «космическом проекте», с одной стороны, и естественнонаучные мировоззренческие принципы – с другой.

С 60-х гг. XIX в. начинает работать над «Философией общего дела» и Н.Ф. Фёдоров, мыслитель, одним из первых создавший достаточно стройную систему взглядов, в основе которой лежала космизированная идея «супраморализма» – природорегуляции, воскрешения умерших поколений и расселения их в космосе. Весьма показательна оценка, данная его творчеству Н.А. Бердяевым: «Это был русский писатель всеобщего спасения. В нем достигло предельной остроты чувство ответственности всех за всех – каждый ответствен за весь мир и за всех людей, и каждый должен стремиться к спасению всех и всего» [Бердяев, 1990, с. 228]. Тот факт, что уже в середине прошлого века Н.Ф. Фёдоров предпринял попытку создать некую более или менее стройную систему космизма, в которой идея единства Земли и вселенной является определяющей, показывает, что уже в то время существовала определенная общественная потребность представить земную жизнь как проявление жизни космоса. Философы же более позднего периода русского космизма (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др.) уже никак не апеллировали к христианству, переключаясь в регистр новой идеологической ценностной парадигмы, с соответствующими изменениями марксистского диалектического материализма. Однако вышеупомянутые христианские православные ценностные принципы, вроде отброшенные, так или иначе определяли мировоззренческие и концептуальные стратегии философов русского космизма естественнонаучного его направления. В частности, и в отношении того, что называется соборностью как созидательной открытости человека (в любви, в творчестве и т.д.) обществу, вследствие чего человек как раз и реализуется как Человек, как творец, как целостная личность. Более того, надо заметить, что в русском космизме данный концепт в широком смысле соборности проецируется не только на некие общины, и даже не на Россию в целом и, более того, даже не на всё земное человеческое общество, а на общество космическое, общество, которое реализуется в космическом масштабе, масштабе вселенной. В русском космизме происходит своего рода расширение, пусть и в несколько преобразованном виде, русского культурно-религиозного принципа соборности, на новых, более светских основаниях, на весь космос, всю вселенную (в перспективе) в целом.

Есть ещё один немаловажный момент, касающийся концепта русской «соборности», находящий своё, с соответствующими изменениями, воплощение в русском космизме. Дело в том, что при капиталистическом укладе с его культом частной собственности, культом индивидуализма, хоть сколько-нибудь реальное воплощение идеалов и принципов христианской «соборности» оказывается невозможным. Насколько реализуется капиталистический принцип атомизации общества с его концептами «индивида», живущего прежде всего своими частными интересами, и частной собственности, настолько человек, очевидно, отъединяется от человека, отчуждается, отчуждается от общества в целом и,

значит, от своей собственной (социальной) сущности; индивид, здесь, в либеральной идеологии – квинтэссенции идеологии капитализма – представляется приоритетным по отношению к обществу, и, значит, очевидно, что разделение человека от человека, вплоть до реализации идеологического либерального концепта «война всех против всех» так или иначе блокирует на корню всякую возможность реализации упомянутого соборного принципа с его соответствующим идеалами.

Аналогично своё специфическое воплощение в концепции русского космизма находит и ещё один из основополагающих тезисов отечественной религиозной философии – тезис о цельной, можно сказать, «соборной» личности. Здесь реализуется идеал абсолютной совершенной личности, достижение которого И. Кант и Ф. Ницше считали возможным на пути самосовершенствования. Позднее об этом же писали Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и русские космисты. Здесь совершенный человек меняет не только себя, но и мир, вселенную [Лыткин, 2020]. Отечественная религиозно-философская традиция утверждала – в противовес этой тенденции, которая становилась всё явственней в западноевропейской философии и западноевропейской цивилизации вообще – концепт целостной личности, личности, в которой органично уживаются и развиваются все стороны её бытия: и разумное, именно разумное, а не рациональное (от лат. *ratio* – рассудок), т. е. рассудочное, начало, и чувственное, и религиозное; т. е. органично и гармонично уживаются и разум, и вера, и ум и чувства. То же можно сказать и о гармонии таких онтологических аспектов человека, как этический и эстетический, религиозный и гносеологический, в то время, как на Западе всё очевидней становился процесс распада и «измельчания» человека, обращение его в «массового индивида» – распада и отчуждения одних аспектов его бытия, от других: внутреннего и внешнего, рационального и чувственного, религиозного и повседневного, и т.д. Западный человек, во-первых, всё более обращался в совокупность своих масок, в существо отчуждённое от самого себя, от своей сущности; а с другой стороны, впрочем, вполне в канве вышеуказанного процесса, обращался в сугубого «человека экономического», т. е. в крайне отчуждённое от общества существо, в «индивида», в своей отчуждённости всё более безнадежно *утрачивающего христианскую любовь*.

Космизация всеединства

В русском космизме цельность личности становится воистину *космической*. Человек, с одной стороны, становится *творцом самого себя*, причём во всех ракурсах своего бытия: не только в духовном, но и в телесном (здесь, впрочем, принципиальное отличие учения космистов от традиционной русской религиозной христианской философии, потому как, очевидно, образ Бога в рамках её парадигмы никак не мог быть затронут, в принципе не мог никак «преобразовываться»). С другой стороны, человек, подобным образом совершенствуясь, и в нравственном смысле, непременно, тоже, начинает освоение космоса, познание его, его законов и как итог *творит новый свой Космос*. Космос таким образом, можно сказать, очеловечивается; становится, действительно, *большим домом человека*.

В этой связи можно отметить и такой аспект в концепциях мыслителей и русского космизма, и отечественных религиозных философов, как *всеединство*. Данный термин принадлежит, собственно, философской концепции В.С. Соловьёва [1988], однако с соответствующими изменениями, он присутствует и в концепциях космистов, пусть и в несколько иных понятийных рядах. И русские религиозные философы, в частности, и представители русского космизма естественнонаучного направления отстаивали принцип единства человека и общества, человека и мира, человека и Космоса. Продолжая развивать эту традицию, К.Э. Циолковский полагал: «Всё порождено вселенной. Она начало всех вещей, всё от неё зависит. Человек или другое высшее существо и его воля есть только проявление воли вселенной...» [Циолковский, 2004, с. 105]. В свою очередь, объединенное человечество, по мнению К.Э. Циолковского, преобразует вселенную, достигнув с нею единства.

Парадигма русской религиозной философии, очевидно, теоцентрична; человек в ней выступает как тоже творец, но творчество его предстаёт здесь как укоренённое в Боге – без Бога оно просто невозможно; без Бога, здесь, человек как тоже творец невозможен. В парадигме русского космизма человек предстаёт, в полном смысле этого слова, творцом лишь в своём приобщении к космической своей перспективе, к космическим силам и энергиям. Здесь, в русском космизме, идет речь о некоем единстве антропоцентризма и космоцентризма; на место Бога выходит Разум и, как реальное приложение этого Разума, Наука. Циолковский К.Э. писал: «Эта воля (воля Вселенной) обуславливает собой всё, что мы сейчас видим или что указывает нам наш разум...» [Циолковский, 2004, с. 106]. И он же по сути о том же самом, но с несколько другой стороны, и уже развивая вполне христианские и русской христианской религиозной философии мотивы – мотивы «космической» Любви: «От Причины исходит Космос как одно из её произведений. От Космоса – совершенные человекоподобные существа, а от них – абсолютная истина, ведущая вселенную к радости и устраняющая страдания. Она оживляет мир и даёт ему господство разума. Причина есть высшая любовь, беспредельное милосердие и разум... И причина, и органические существа вселенной и их разум составляют одну и ту же любовь...» [Циолковский, 2004, с. 103].

Религиозные по своей силе и накалу творческие энергии, имевшие место в русском народе в рассматриваемую нами эпоху, в Российской Империи во второй половине XIX в. не находили своего реального выхода. Во-первых, данный выход творческих энергий блокировался культурно-государственным псевдоморфозом, при котором народ в основной своей массе не имел перспективы своего реального развития и самореализации; во-вторых, православная церковь, лишённая своей самостоятельности, находившаяся под бюрократическим аппаратом Синода, сама всё более обращалась в чиновническую структуру, а не в организацию, воспроизводящую живые энергии религиозной веры и социального подвижничества; в-третьих, историческая Россия столкнулась с тем, что называется капитализмом, с его системой усиленной эксплуатации и тотальным отчуждением человека: от его сущности, от процесса и результатов его труда. Иными словами, для реализации человеческих интеллектуальных и духовных энергий в России той поры оставалось всё меньше и меньше возможностей; живые творческие энергии тривиально упирались в социальный и культурный тупик. И лишь с возникновением нового проекта – условно проекта революционного, проекта социалистического, коммунистического – перспективы данной самореализации оказывались возможными. А данные возможности, их свет свободы, зажигает вновь творческие энергии народа, и в том числе этим «огнём преобразования» загораются и русские космисты, вследствие раскрывающихся здесь новых перспектив социального и гуманитарного строительства. Так, К.Э. Циолковский писал: «Свобода – для трудящихся. Капитал, во всех его видах, в особенности наследственный, есть насильник и потому нуждается в ограничениях...» [Циолковский, 2004, с. 308].

Не найдя ответа своим глубоко религиозным чаяниям в «официальном» православии, в «официальной» религии, представители русского космизма находят ответ в творимой ими самими по существу *новой религии*: космической религии человечества, с её собственным новым культом, с её собственными новыми Храмами. Особенно отчётливо подобного рода символы и устремления можно отметить в философии К.Э. Циолковского с её новой священной работой – работой прежде всего ума, интеллекта. Религиозный пафос здесь, в космизме, смещается из чувственной сферы в сферу разума. Человек здесь служит Науке, отдаваясь ей всецело и самозабвенно. Космос здесь, предстаёт как максимально расширенное пространство реализации, воплощения Культа. Культа новой, Человеческой с одной стороны и Космической – с другой, вселенской религии.

Общее дело, *Литургия* – дело именно *Общее*; оно не есть дело некоего одиночки, «индивида». Данное священнодействие оказывается возможным лишь при реализации нового социального проекта – проекта социалистического (коммунистического). И этот мо-

мент, момент именно литургический по своему существу, оказывается реально возможен лишь при происходящей тогда смене социальной культурно-экономической парадигмы: отбросив отчуждающий человека и от самого себя и от общества капитализм с его культом частной собственности, индивида, с его сугубо эгоистическими интересами и выходя на новый социальный уровень. Кстати, уровень, наиболее соответствующий чаяниям русской религиозной философии, в частности той же соборности, о которой мы уже рассуждали выше, в концепции славянофилов. Русская религиозная философия всегда отстаивала принцип единства, принцип *целостности*; этот принцип выражался как творческое единство человека и Бога, как сотворчество Бога и человека, в числе прочего находя своё яркое воплощение в «человеке литургическом» Флоренского, – с одной стороны; с другой стороны, человек в русской религиозной философии полагается единым с миром существом, включающим в себя весь мир, весь «большой» космос (макрокосм), как отдельная, «маленькая» вселенная (микрокосм).

Принцип сотворчества Бога и человека, столь любимый русской религиозной философской традицией, перенимается русским космизмом и особенно ярко воплощается именно в нём. Впрочем, нельзя, наверное, сказать, что данный принцип был воспринят русским космизмом буквально от русской религиозной философской традиции, он в большей степени был присущ именно самой отечественной культурно-исторической системе, её ценностной матрице, однако без раскрытия данного культурного принципа в русской религиозной философской традиции возможно философы русского космизма не смогли бы столь ярко развить и актуализировать потенции этого принципа в своих философских концепциях.

В русском космизме, скорее, реализуется с соответствующими изменениями проект *хилиастический* (построение «Царства божьего» на земле своими руками); это проект, где раскрываются, должны раскрываться, творческие сущностные силы человека, потенциально – *для всех* («коммунизм»), а отнюдь не для неких «избранных» (как свойственно протестантским сектантским «гностическим» версиям вроде бы того же «коммунизма»).

Надо заметить, что хилиастические мотивы довольно ярко были присущи и отечественной христианской религиозной философской традиции: в той или иной мере они реализовывались и в трудах славянофилов, и в учении В.С. Соловьёва. Разумеется, хилиастические мотивы в русской религиозной философии реализовывались именно в плане актуализации сотворчества Богу, проектов устройства жизни на христианских принципах, в то время как в русском космизме подобное, условно, «царство божие» реализуется без собственно Бога, а усилиями именно человека, его творческими усилиями; однако, акцентируем на этом внимание, человек тут, в космизме, вступает в творческие взаимоотношения с космосом, со вселенной, с её таящимися, пока в ней нераскрытыми энергиями; и раскрыв эти энергии, человек преобразует и вселенную, космос, и себя, преобразует саму Природу.

Антропология как антроподиция

И здесь мы подходим, наверное, к самому главному в антропологии космизма и антропологии русской религиозной философии – к тому, что их объединяет: к *антропологии как антроподиции*. Антроподиция, как мы уже говорили, – буквально оправдание человека. Иными словами, в сущности человеческого существования закладывается идея оправдания человека. Основной вопрос, который ставили перед собой представители русской религиозной философии, – это вопрос о Боге, т. е. вопрос о высшем смысле бытия, о смысле бытия человека, о предназначении человека. Вопрос о предназначении человека, о смысле его земного бытия разрешался философами в русле русской христианской религиозной философии, вполне в канве христианского вероучения. Разумеется, каждый из философов данного направления разрешал этот вопрос по-разному, со своей спецификой; однако общая идея так или иначе была здесь единой. Жизнь человека, его земная

жизнь представляла здесь как своего рода экзамен – экзамен «спасения души». Причём, важно обратить внимание, это «спасение» души у каждого из отечественных христианских религиозных философов оказывалось отнюдь не индивидуалистическим, а так или иначе предполагало некое Общее дело.

В чём земная миссия человека и зачем Бог создал человека? – эти и им подобные вопросы являются здесь, в русской религиозной философской антропологии, ключевыми. Аналогичное вопрошание предполагается и в русском космизме. Здесь сказывается и общее культурное мировоззренческое основание русской религиозной философии и русского космизма – культурно-историческая ценностная система; но здесь имеет место и определённая интеллектуальная философская преемственность: на Н.Ф. Фёдорова своё влияние оказали славянофилы; на отечественных космистов более поздней эпохи (начала XX в.) – прежде всего Н.Ф. Фёдоров и в той или иной мере неизбежно В.С. Соловьёв, основы философии которого были известны даже тем представителям отечественной науки, которые специально не погружались в философские исследования. Определённое влияние на представителей позднего русского космизма не могли не оказать и иные видные представители отечественной религиозной философской христианской традиции: П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков.

К.Э. Циолковский полагал: «Нет сознательного существа, которое не пожелало бы счастья всему космосу, т. е. себе. Счастье, совершенство и могущество космоса – вот цель всякого существа, вот предмет наших стремлений, деятельности и осуществлений...» [8, с. 405]. Человек находит своё оправдание в учении русских космистов, в деле преобразования мироздания, в новом Космическом проекте. Человек, преобразуя себя, своё существование и попутно мир в целом, обретает *высший Смысл своего бытия*, своё, в сущности, оправдание. Бытие человека находит свой высший смысл именно здесь, по мысли космистов – особенно это ярко выражено в учениях Н.Ф. Фёдорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, – в освоении и преобразовании космоса. Именно в этой сфере в полной мере раскрывается и реализуется творческая сущность человека. Человек оправдывается, «спасается» своим великим Проектом освоения Космоса, обретения его, Космоса, великих энергий, освоением и преобразованием самого себя.

У Н.Ф. Фёдорова данная антроподицея реализуется в Общем деле воскрешения отцов и соответствующем ему освоением космического пространства в целях расселения воскрешаемых: исполняя тем самым свой «сыновий долг», т. е. оправдываясь таким образом перед своими отцами. И таким образом данное учение Н.Ф. Фёдорова оказывается ещё теснейшим образом связано с христианским учением. У представителей русского космизма естественнонаучного направления более позднего периода – человеческое оправдание, высший смысл бытия человека реализуется уже в рамках новой религии – религии науки, научно-технического прогресса.

Однако, как бы то ни было, общий смысл, основополагающий для русской религиозной христианской философской традиции и для традиции естественнонаучного русского космизма, заключается *в антропологии человека именно, как антроподицеи*.

Итак, в качестве *концептуальных принципов*, которые так или иначе, прямо или косвенно были унаследованы (или хотя бы имели своими основаниями те же самые культурно-исторические ценностные источники) традицией русского космизма от традиции отечественной религиозной христианской философии, можно выделить:

- 1) концепт *соборности* как своего рода органичного *социального единства*, жизненно необходимого для осуществления космических во вселенском смысле проектов;
- 2) концепт *целостности личности* – по сути в космизме – концепт нового человека, *человека творца, не отчуждённого* от самого себя и от общества в целом;
- 3) концепт *всеединства*, т. е. *единства человека и космоса, человека и мира, единства человека и общества*; если в русской религиозной философии этот концепт прежде

всего указывает на единство *человека и Бога*, то в естественнонаучном космизме – на неразрывное единство *человека и космоса, вселенной, мира в целом*;

4) концепт, в терминологии В.С. Соловьёва и его последователей, *софийности*; в русском космизме своего рода аналогией указанной софийности (Софии) выступает *культ Науки, культ человеческого Разума*;

5) концепт, в терминах О.П. Флоренского, *человека литургического*, т. е. человека, обращающего *сферу своего бытия в сферу священного действия*, особого рода её *творческого и символического преобразования*; в космизме подобной сферой оказывается в перспективе вся Вселенная, весь Космос; космос, вселенная как предельное (беспредельное) пространство творческого преобразования, человеческого священнодействия (особенно ярко этот момент присутствует в философии К.Э. Циолковского и чрезвычайно специфически – у Н.Ф. Фёдорова);

6) концепт живого *воплощения духовных энергий человека, его творческих энергий*, его творческого потенциала – как раз в русском космизме этот концепт *актуализации* человеческих творческих духовных энергий воплощается особенно ярко и откровенно;

7) концепт *антроподицеи*, т. е. концепт оправдания (самооправдания) человека как существа *взыскующего смысла своего существования, основополагающей цели своего бытия*; в космизме данный принцип, сформулированный русским христианским религиозным философом П.А. Флоренским, находит своё особо яркое воплощение, особенно сильно и в то же время весьма специфично, у Н.Ф. Фёдорова: как исполнение людьми, всем человечеством своего «сыновьего долга» (воскрешения отцов); как стремление к освоению и творческому преобразованию Вселенной (космоса) – у К.Э. Циолковского.

Заключение

Таким образом, русская религиозная христианская философия оказала значительное влияние, прямо или косвенно, на становление и формирование концепции русского космизма. В то же время, надо заметить, влияние идей русского космизма на отечественную религиозную философскую христианскую традицию было много меньшим, хотя тоже имело место (например, в виде некоторого влияния идей Н.Ф. Фёдорова на мировоззрение В.С. Соловьёва). При этом еще раз необходимо обратить внимание на то, что и русская религиозная православная философия и философия русского космизма питались из одной и той же мировоззренческой (христианской русской православной) смысловой матрицы. Философия русского космизма в значительной мере и, разумеется, с соответствующими изменениями перенимает своего рода эстафету у русской религиозной философии и реализует весьма, впрочем, специфично заложенные в ней некоторые основополагающие мировоззренческие философские смысловые антропологические концепты и принципы.

Список источников

- Бердяев Н.А. 1990. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. В кн.: России и русской философской культуре. М., Наука, 528 с.
- Соловьёв В.С. 1988. Критика отвлеченных начал. В кн.: Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х т., Т. 1. М., Мысль, 892 с.
- Федоров Н.Ф. 1982. Философия общего дела. М., Мысль, 514 с.
- Циолковский К.Э. 2004. Космическая философия. М., ИДЛи, Сфера, 496 с.
- Чижевский Л.А. 1924. Физические факторы исторического процесса. Калуга, Ассоциация «Калуга-Марс», 72 с.

Список литературы

- Лыткин В.В. 2020. Осмысление «идеала» русским космизмом. В кн.: Человек в культуре: Философские, антропологические, региональные аспекты культуры и русского космизма: монография. М., РУСАЙНС: 9–25.

- Лыткин В.В. 2020. Социальные идеалы в философии. В кн.: Человек в культуре: Философские, антропологические, региональные аспекты культуры и русского космизма: монография. М., РУСАЙНС: 7–43.
- Хоружий С.С. 2002. Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви. Богословские труды, 37: 153–179.

References

- Lytkin V.V. 2020. Osmysleniye «ideala» russkim kosmizmom [Understanding the “ideal” by Russian cosmism]. In: Chelovek v kul'ture: Filosofskiye, antropologicheskiye, regional'nyye aspekty kul'tury i russkogo kosmizma: monografiya [Man in Culture: Philosophical, Anthropological, Regional Aspects of Culture and Russian Cosmism: monograph]. M., Publ. RUSAYNS: 9–25.
- Lytkin V.V. 2020. Sotsial'nyye idealy v filosofii [Social Ideals in Philosophy]. In: Chelovek v kul'ture: Filosofskiye, antropologicheskiye, regional'nyye aspekty kul'tury i russkogo kosmizma: monografiya [Man in Culture: Philosophical, Anthropological, Regional Aspects of Culture and Russian Cosmism: monograph]. Moscow, Publ. RUSAYNS: 7–43.
- Khoruzhiy S.S. 2002. Aleksey Khomyakov: ucheniye o sobornosti i tserkvi [Aleksey Khomyakov: The Doctrine of Sobornost and the Church]. *Bogoslovskiye trudy*, 37: 153–179.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2022

Received April 2, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 25.05.2022

Accepted September 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лыткин Владимир Владимирович, почетный профессор Международного космического университета, Страсбург, Франция; доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

Vladimir V. Lytkin, Honorary Professor of the International Space University, Strasbourg, France; doctor of philosophy, Professor, head of the Department of philosophy and cultural studies of The Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia